

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ДОМСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ

Хибарин Владислав Анатольевич

*аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления
(филиала РАНХиГС),
РФ, г. Орел
E-mail: vlad3689@yandex.ru*

DOMESTIC METAPHOR IN CONCEPTUAL REPRESENTATION OF RUSSIAN NATIONAL IDEOLOGY

Vladislav Khibarin

*postgraduate Student, Department of Political Science and Public Policy,
Central Russian Institute of Management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration),
Russia, Orel*

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются возможности использования метафоры в политологическом дискурсе. Дано представление о метафорическом концепте «дом» и приведены примеры домашнего моделирования в политической науке и практике. В работе анализируются особенности национальной идеи России в историческом и социокультурном аспектах. В качестве фундамента идеологического концепта «общий дом» предложена национальная идея «интегрального общества». Намечены контуры формирования национальной идеологии, основания которой составляют: национальная идея, патриотизм, социокультурные и политические опоры.

ABSTRACT

The possibilities of using metaphor in political discourse are considered. An idea of the metaphorical concept of «home» is given and examples of domestic modeling in political science and practice are presented. The paper analyzes the peculiarities of the national idea of Russia in the historical and socio-cultural aspects. The national idea of an «integral society» was proposed as the foundation of the ideological concept «common home». The outlines of the formation of a national ideology are outlined, the grounds of which are: the national idea, patriotism, sociocultural and political pillars.

Ключевые слова: домашняя метафора, метафора, национальная идеология, национальная идея.

Keywords: domestic metaphor, metaphor national idea, national ideology.

*«Условимся раз навсегда: жилище есть
основной камень жизни человеческой»
М.А. Булгаков [1, с. 607]*

Как показал выдающийся советский культуролог Ю.М. Лотман, «каждый существенный культурный объект, как правило, выступает в двух обликах: в своей прямой функции, обслуживая определенный круг конкретных общественных потребностей, и в «метафорической», когда признаки его переносятся на широкий круг социальных фактов, моделью которых он становится» [2, с. 377]. Метафорами признаются «образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [3, с.136–137].

Интерес к метафоре проявляли крупнейшие мыслители, - от Аристотеля, Руссо и Гегеля, - до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета, и многих других. «В ее основе - предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи - осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [4, с. 41; 5].

Метафора играет важную роль в когнитивных процессах, проявляя аналоговые возможности чело-

вещеского разума. Как одна из основных ментальных операций, метафоризация представляет собой способ познания, концептуализации категоризации, оценки и объяснения мира. С помощью метафор человек выражает мысли, познает с их помощью окружающий мир. С помощью метафор можно преобразовать существующую в сознании картину мира, получить иную оценку действительности, новое представление даже хорошо известных феноменов [6, с. 6-13].

В основе понимания метафоры лежат существующие в подсознании человека архетипы, типичные схемы, или модели, в ассоциации с которыми могут быть рассмотрены новые ситуации и объекты. Согласно К. Юнгу, архетип (от греч. «arche» – начало + «typos» – образ) является структурно-формирующим элементом бессознательного, суммирующего психический опыт всех предыдущих поколений. Будучи фундаментальными моделями, архетипы оказывают глубинное влияние и определяют человеческое мышление и поведение. Причем, фундаментальные универсальные архетипы запечатлевают общие базисные структуры человеческого существования, а этнические архетипы суммируют основополагающие свойства определенного народа как культурной целостности, обусловленные национальной моделью мира, характером и исторической судьбой народа [7, с. 150-154].

Одним из наиболее сильных архетипов, встроенных в личную жизнь человека, является образ дома. Дом – личное пространство человека, его искренне любят и оберегают, не «выносят сор из избы». Архетип «дом» символизирует «традицию, хранилище мудрости, связь с предками, защищенность, тепло и комфорт»: «Дом на свете всех милее» (Аргументы недели – 24 января – 2008); «Наш дом – наша крепость, защита от внешних невзгод и проблем» (Комсомольская правда – 25 апреля – 2008). В известной на Руси «притче о блудном сыне» отрок после долгих блужданий и суетливой жизни в поисках смысла возвращается к порогу родного дома, обретая наконец-то Истину бытия [7, с. 150-154].

С учетом основополагающих свойств древних архетипов, в сфере политического дискурса нашла широкое применение метафора «дома» (доместическая метафора), характеризующая многие сферы общественной жизни [8, с. 5-32]. Являясь источником метафоры, «дом» представляет собой важнейший социокультурный концепт традиционного славянского и русского сознания: «Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни, «медленные труды». Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом – «родное пепелище», основа «самостоянья», человечности человека, «залог величия его», осмысленности и неодионочества существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия» [9, с. 26].

Представлять общество в архитектурных терминах, как некоторый дом, строение, здание, принято было еще со времен Маркса. Как отметила Н.Д. Арутюнова, - «Эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [8, с. 14-15]. Об обществе говорят в терминах строительства, воздвижения и разрушения, а коренные изменения в социуме интерпретируются как его перестройка. Ассоциация общества со зданием, домом, который человек строит, чтобы в нем жить, присутствует не только в социологии и экономике, но и в обыденном сознании [8, с. 14-15].

Концептуальная сфера «дом» обладает многими необходимыми условиями для метафорического представления широкого круга общественных явлений [10, с. 156-157].

1. Данная сфера хорошо знакома каждому человеку, имеет высокий ассоциативный потенциал и находится в кругу «извечных» интересов человека.

2. Концепт имеет высокий эмоциональный потенциал, способный пробуждать добрые человеческие чувства: отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный очаг, семейный быт, обустройство дома и даже домашние животные.

3. Для русского сознания концепт дом представляет здание, жилье для отдельной семьи, семья как таковая, и множество других понятийных оттенков и значений.

4. Дом - это основная, наиболее естественная и комфортная сфера существования человека и его семьи. Человек возвращается домой с работы, из гостей, из чужого края. Родной город и родная страна могут восприниматься как пространство вокруг родного дома.

В советский период концептуальная метафора дома и ее компоненты широко использовались в прессе для представления многих сторон государственной жизни, например [11, с. 27]: «... мы в 1931 г. завершим построение фундамента социалистической экономики СССР...» («Правда». 1931. № 53); «Великое здание построенного, прочно утвердившегося социализма ...» («Правда». 1949. № 355). Практически каждый период в жизни советского государства характеризуется своими особенностями функционирования доместической метафоры. Так, начиная с середины 1980-х годов в политический и публицистический дискурс вошли такие термины, как «перестройка» страны и общества, «возведение общеевропейского дома» и «евроремонт». В эту эпоху постоянно упоминаются «архитекторы» перестройки (М.С. Горбачев, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев и др.) [10].

Метафора дома возникла и в европейском политическом дискурсе 1990-х годов. В частности, накануне распада Чехословакии, премьер-министр страны, пытаясь ослабить внутринациональные разногласия, агитировал за дальнейшее сосуществование чехов и словаков в рамках одного государства,

полагая, что обе нации могли бы в будущем жить в своего рода «двойном доме» (DVOJ DOMEK) [12, с. 47].

А. Мусолфф на материале английских и немецких газет проследил динамику политической метафоры «Европа – это дом / строение» за последнее десятилетие 20-го века [13, р. 216-229]. Британский исследователь отмечает, что в первом, оптимистическом, периоде, 1989-1997 гг., - разрабатываются смелые архитектурные проекты, укрепляется фундамент, возводятся столбы. Однако, в 1997-2001 гг. нарастают противоречия, что находит отражение в доминировании скептических и пессимистических метафор: в евродоме начинается реконструкция, на строительной площадке царит хаос, зачастую, евродом даже превращается в горящее здание без пожарного выхода [13].

В политическом дискурсе президента Венесуэлы Уго Чавеса (1999—2012) обращение к концептуальной метафоре дома является достаточно типичным, что, как отмечают исследователи, подтверждает представления о домоцентризме как основной черте местного национального менталитета: «Вам, юноши и девушки, я направляю мои добрые пожелания удачи и обязательств перед будущим. Добро пожаловать в великий дом социализма». Доместическая метафора Чавеса ассоциируется и с концептом лидера кубинского освободительного движения Х. Марти «Наша Америка», создавая образ единого дома, в котором могут спастись от врага все латиноамериканские народы [14, с. 23].

В политической коммуникации, и даже политике современной России доместическая метафора «страна / государство – дом» также нашла применение. Так, в 1995 г. была создана всероссийская общественная организация с доместическим названием «Наш дом - Россия», впоследствии официально зарегистрированная в качестве политического объединения. М.В. Пименова в статье «Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ», приходит к выводу, что в российской публицистике последних лет метафора «страна/ государство – дом» (жить в своей стране) превращается в доместическую метафору «власть – дом» (войти во власть; попасть во власть). При этом, власть – дом, который уже построен, а все, кто попадает во власть, входят не в свой дом. Признаки метафоры «страна – дом / здание» наблюдаются в строительной метафоре: «Чиновники строят страну, удобную для них, а не для народа» [АиФ. № 6. 2005], и метафоре соседства: «И почему, наконец, мы, - т.е. страна, - не нравимся соседям?» [АиФ. № 6. 2005]. В целом, «метафора «власть – дом» моделируется по трем направлениям: 1) власть – это здание, строение, у которого есть стены, фундамент, этажи, внутреннее обустроенное пространство; 2) власть – это возводимое здание, у которого надстраиваются этажи; 3) власть – это жилое пространство с соседями» [15, с. 147-153].

Накануне объединительного референдума 2014 года, в Крыму и Севастополе широко использовался слоган «16 марта – домой – в Россию!». Представ-

ляющая Россию родным домом для бывших граждан Советского Союза, доместическая метафора способствовала успеху политического процесса воссоединения. В данном концептуальном представлении, Крым и Севастополь, - своего рода, странники, - возвращаются из негостеприимной чужбины к родным пенатам, в родные края [16, с. 252-255]. Метафора Крыма, как общего, «небандеровского» дома прозвучала и в словах Президента России, произнесенных во внеочередном послании к Федеральному собранию: «Что касается Крыма, то он был и останется и русским, и украинским, и крымскотатарским. ... как и было веками, родным домом для представителей всех живущих там народов. Но он никогда не будет бандеровским!» [17]. Политический дискурс Донбасса также отмечен метафорой возвращения в родительский дом, в свою семью с чужбины – это смысл присутствует, например в настенном тексте мятежного Луганска: «Идем домой // Наш дом / Россия» [18, с. 78-79].

Можно видеть, что в вышеприведенных примерах доместическая метафора была использована не просто в качестве стилистического украшения политического дискурса, а как основополагающий когнитивно-психологический прием, позволяющий высказывать свои идеи, воздействовать на сознание участников дискурса и побуждать целевую аудиторию к определенному политическому действию.

Национальная идея России как фундамент идеологического концепта «общий дом»

*«Идея - форма постижений в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира»
Философский энциклопедический словарь
[19, с. 207]*

Как писал известный философ В.М. Межуев, «После победы над Наполеоном Россия оказалась втянутой в самую гущу европейской политики, обрела значение одной из самых влиятельных политических сил на европейском континенте. Это побудило мыслящих русских людей задуматься об отношении России к Европе, о том, что их связывает и разделяет между собой. Именно тогда впервые заговорили о «русской идее» [20, с. 5].

Исходя из взаимоотношений России и Европы, родоначальник русского западничества – П. Чаадаев – считал, что пока русская история не состоялась, не обрела форму в виде устойчивых правил и идей, следует признавать полагаться на исключительную роль Европы, заимствуя оттуда все наиболее серьезные идеи. Хотя впоследствии, Чаадаев предрекает великую будущность России именно потому, что нация не обрела еще свойственных Западу законченных форм и воли, и имеет огромный потенциал изменений [21].

В 1868 году был опубликован ставший заметным общественным явлением труд Н.Я. Данилев-

ского «Россия и Европа», в котором были учтены итоги российских реформ 60-х годов XIX века и поражения России в Крымской войне. В этой работе, используя домашнюю метафору, русский мыслитель пишет о лежащей в основе преобразовательной деятельности императора Петра Великого идее: «Любил он в ней, - в России, - собственно ее силу и мощь, которую не только предчувствовал, но уже сознавал, любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи» [22, с. 224]. Предложив в качестве метода политического анализа цивилизационную парадигму, Н.Я. Данилевский пишет, что каждая цивилизация, и в особенности российская цивилизация, базируется на какой-то исходной духовной предпосылке, «большой идее», «сакральной ценности», на основе которой в ходе развития складываются сложные духовные системы, а вслед за этим и материальная оболочка в виде государства, которое проводит свою политическую линию.

Однако, как справедливо отмечает А.А. Труфанов, цивилизационная, или «национальная идея не может быть выдуманной. Она должна быть найдена в духовной истории России». Причем, национальная идея должна быть своего рода предписанием, требованием к человеку, обществу, государству, в первую очередь, моральным, которое требует максимального напряжения сил [23, с. 3-4].

Термин «русская идея» был введен в научный и публицистический оборот Вл. Соловьевым в 1887-1888 гг. в рамках его философии всеединства, в связи с трудноразрешимыми вопросами о русском самосознании и культуре, судьбе России, ее христианской миссии, проблемами «Восток-Запад» и др.

Уже в середине 20-го века знаменитый русский политический философ Н. Бердяев, размышляя о русской идее, присоединяется к тем русским мыслителям прошлых лет, которые видели в русском народе народ будущего, который должен искупить грехи западной цивилизации: «Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей глубине» [24, с. 48].

В современной России понятие национальной идеи сформулировал С.С. Сулакшин, - это «устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также состояние общественно-го согласия» [25, с. 12].

Для С. Маркедонова «очевидно, что в новых условиях невозможен возврат ни к монархической, ни к коммунистической идеологии». По его мнению, «Новая надэтническая российская идея должна основываться на новых базисных принципах — демократии, гражданственности, российском патриотизме» [26, с. 32].

В материалах Совета по национальной идеологии говорится о «новой национальной идее», которая задается триадой: «Порядок (Безопасность), Справедливость, Патриотизм (Национальная Идентичность)» [23, с. 13].

Мухэддин Али выводит национальную идею из трехцветного флага России: «Красный ... - евразийское начало государства, а также преемственность Советского Союза. Голубой цвет — цвет неба. Мы все на Земле находимся под одним небом, и поэтому у нас единая история, единая цивилизация во всем своем разнообразии ... Белый цвет — это цвет духовности, духовного начала» [23, с. 18-19].

А.И. Вдовин в своей книге «Российская нация: национально-политические проблемы XX века и общенациональная русская идея» выдвигает на первый план идею интеграции населяющих Россию народов [27].

В сентябре 2015 г. вышла в свет книга Г.Н. Цаголова «Путь к счастливой жизни» [28]. Основная мысль работы советского и российского ученого - концепция интегрального общества, - дает отпор курсу идеологического оправдания существующей до настоящего времени либерально-сырьевой модели российской экономики и отвечающего ей общественного устройства. Мы полагаем, что предложенная известным российским ученым концепция интегрального общества — это именно та идея и тот научный инструмент, который может противостоять доминированию западного подхода к развитию российского общества, сложившемуся с 1990-х лет в постсоветской России.

Отвечая на вопрос, — «какой строй мы строим?», - Г.Н. Цаголов предложил новую «Модель для России» [29], которая в своих основаниях базируется на теории конвергенции американского экономиста Джона К. Гэлбрейта и трудах знаменитого русско-американского философа и социолога Питирима Сорокина.

Первый ученый, еще в 70-х годах прошлого века, опровергал миф о непроходимой пропасти между рыночным и плановым хозяйством, утверждая перспективность будущего сближения и политико-экономического симбиоза - конвергенции систем социализма и капитализма, умело комбинирующей их преимущества в ходе исторического процесса [30].

Выехавший в 1922 г. из Советской России на «философском пароходе» и затем преподававший в Гарварде П.А. Сорокин упоминает о конвергенции двух систем уже в 1944 г. в своей работе «Россия и Соединенные Штаты» [31] и в последующей книге «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР» к смешанному социокультурному типу» (1960 г.) [32]. В последнем труде ученый пишет, что «если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа» [32, с. 16]. На быто-

вом уровне идея интегрального общества может восприниматься как органическая общественная солидарность, как нравственный принцип «один за всех и все за одного».

Исходя из идеи будущего интегрального общества России, Г.Н. Цаголов пришел к выводу, что, несмотря на то, что ушло время 1990-х, когда российское государство было лишь марионеткой российской плутократии, обществу необходимо еще много сделать для построения такой модели общественного устройства, которая работала бы на большинство населения, а не только на его миллиардеров и миллионеров. Умелая комбинация социалистических и капиталистических элементов новой общественно-экономической формации должна, по мнению ученого и практика, привести к решению четырех наиболее важных задач развития России: высоким темпам экономического роста, справедливости, развитию личности (человеческого потенциала), повышению духовной свободы граждан. Общие контуры экономической части концепции Г. Цаголова сводятся к следующим позициям: «необходимо соединить механизмы рыночной конкуренции с элементами государственного регулирования, включающего контроль за финансовыми рынками, создание государственных компаний там, где это имеет стратегическое значение для страны и куда не идет частный капитал, субсидирование опять же стратегически важных отраслей и предприятий и, наконец, планирование. Планирование необходимо для широкого видения правительством проблем и перспектив гармоничного развития» [33, с. 134-135].

К поиску идеологии обустройства современной России

*«Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам»
А.С. Пушкин [34]*

К середине XIX века в российском обществе возникли и оформились две национальные идеологии, - западников и славянофилов, - каждая из которых по-своему решала вопрос об отношении России к Западу, исходя из представлений о будущем страны как цивилизации. Идеологи западничества настаивали на «европейской национальности» россиян, как преобладающей форме самосознания в России. В свою очередь, противопоставляли исконное «стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего» России - рационализму Запада [35, с. 38]. Однако, как европейцы по образованию и воспитанию, славянофилы считали необходимым преодолевать противоположности России и Запада. Вместе с тем, по их мнению, такой процесс должен происходить под духовным предводительством России: «чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении Святой православной Церкви... господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но,

напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие» [35, с. 39].

Отвергая идею и практику насильственной европеизации России, которым, по его мнению, следовали все русские цари, Данилевский обосновывает преимущества славянского культурно-исторического типа, наделенного возвышенными христианскими чертами, над европейским, выражая надежду, что первый «представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова, сторон, которые разрабатывались его предшественниками на историческом поприще в отдельности или в весьма неполном соединении» [22, с. 430].

Завершение «холодной войны» и отказ России от идеологической борьбы на мировой политической сцене повлекли за собой и отказ от каких-либо идеологических установок. В прессе и российских научных публикациях практически исчезли упоминания о национальной идеологии, это понятие сменили более нейтральные термины – идея, мировоззрение и т.п. Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации провозгласила идеологический плюрализм и полный отказ от государственной идеологии. Между тем, наступление идеологического вакуума в России вовсе не привело к полной деидеологизации мирового политического пространства. Напротив, такие идеологические воззрения как радикальный ислам и радикальный либерализм, неоконсерватизм становились главными и, зачастую, эффективными инструментами политической борьбы и продвижения политических интересов. А эпоха господства единственной сверхдержавы на мировой арене вызвала к жизни новую форму идеологического доминирования - идеологию глобализма, навязываемую методами силового воздействия и информационных войн.

В жестких внешнеполитических условиях современной российской действительности остро стоит вопрос сохранения государственности Российской Федерации, ее целостности, жизнеспособности и развития. Это возможно только при наличии объединяющей национально-государственной идеологии, опирающейся на базовые, традиционные ценности и наполняющей смыслом жизнь российского гражданина и народов России. Причем, дееспособность и эффективность российского государства в большой, если не решающей степени определяется его духовно-идеологическим фундаментом, национальной идеей Российской Федерации [36, с. 26].

В качестве примера использования в европейском политическом дискурсе domestic metaphor укажем здесь на работу И.М. Кобозевой, где метафора, - «идеологический цемент», - интерпретируется исследователем как «некая общая идея должна сыграть в процессе интеграции Евросоюза такую же роль, какую цемент играет при строительстве здания: без такой идеи этот процесс либо вообще остановится, либо интеграция не будет достаточно прочной» [3].

Исходя из domestic модели, будем рассматривать в качестве фундамента национальной идеологии изложенную выше идею создания в Российской Федерации интегрального общества, обеспечивающего жизнеспособность и гармоничное развитие российского государства. При этом, в современных условиях необходимо одновременно решать несколько важнейших задач, среди которых: сохранять территориальную целостность, межнациональный мир и согласие в стране; повышать эффективность государственного управления; решать проблему разделенного российского народа; сохранять природу и природные ресурсы; противодействовать идеологической, информационной, религиозной и иной, всякого рода, экспансии, угрожающей порядку и развитию России. При этом, обустройство России, как нашего общего дома, может служить объединяющей метафорической моделью общего дела и общенациональной идеологии российского общества и государства.

Как система базовых идеалов и ценностей общенациональной, исторически сформировавшейся культуры, национальная идеология, как общий дом, имеет несколько сущностных оснований, без которых может быть потеряны ее целостность, жизнеспособность и возможности развития [37]:

- фундаментальная национальная идея, определяющая цель и проект обустройства России, как общего дома: интегральное общество, ответственное за «благополучие и процветание России» на «своей земле»;
- идеологическая основа: патриотизм, «любовь и уважение к Отечеству»;
- ментальная (социокультурная) основа: «многонациональная народность»; приверженность «памяти предков», национальной культуре и духовным традициям; «вера в добро и справедливость»;
- внутривнутриполитическая основа: демократия, политическая нация, утверждающая «права и свободы

человека, гражданский мир и согласие»; «равноправие и самоопределение народов»;

- геополитическая основа: «сохранение исторически сложившегося государственного единства; «суверенная государственность России», «ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями»; определение места и роли страны в мире: противодействие внешней и чуждой экспансии.

Заметим, что намеченные нами на основе метафорического моделирования контуры элементов национальной идеи и идеологии не претендуют на завершенность, а представляют собой лишь некоторый шаг в осознании современной России как самостоятельной сущности, как целого и как организма [38, с. 141]. Один вывод можно сделать определенно, без поиска национальной идеи, государственной идеологии, «общественного идеала» (П. Новгородцев), а, следовательно, без «идеи-правительницы» невозможны эффективные преобразования в экономической, социокультурной и политической сферах. Для выживания и достижения цивилизационных успехов в сложнейших природно-климатических и социально-исторических условиях, российскому многонациональному народу необходима интегративная поддержка государства и общества, опирающаяся на идеологическое обеспечение социальной жизни. К обретению национальной идентичности, идеологии развития России призывал на Валдайском форуме и В.В. Путин: «Формирование гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны. Как политически, идейно, концептуально будет оформлена идеология национального развития – предмет для широких дискуссий» [39].

Список литературы:

1. Булгаков М.А. Трактат о жилище / Булгаков М.А. Избр. произв. Киев: Днипро, 1990.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
3. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. № 6.
4. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2.
5. См. также сб.: Новое о зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
6. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110).
7. Ерофеева И.В. Архетип в медиатексте: возможности и особенности воспроизведения // Вестник ЧитГУ. 2009. № 2 (53).
8. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры. М., 1990.
9. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1906-х – 1990-х гг.: Т.1 Русская картина мира. М.: Жизнь и мысль, 2001. 496 с.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.

11. Разинкина Н.С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917-1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011.
12. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006.
13. Andreas Musolff (2000): Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? Journal of Multilingual and Multicultural Development. Vol. 21. № 3.
14. Цит. по: Филаткина Г.С. Инструменты речевого манипулирования в политическом дискурсе Уго Чавеса (1999—2012) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2015. № 1.
15. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17.
16. Серегина И.А., Чудинов А.П. Метафорическая интерпретация событий в Крыму (2014) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16.
17. Полный текст обращения Владимира Путина по Крыму // URL: <https://russian.rt.com/article/24532>
18. Речевое воздействие в политическом дискурсе: матер. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1—3 дек. 2016 г.) / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2016.
19. Копнин П.В. Идея // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1989.
20. Межуев В. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12.
21. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989.
22. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1995.
23. Труфанов А.А. Российская идея. Казань, 2013.
24. Бердяев Н. Русская идея. Мирозерцание Достоевского (сборник). М.: Litres, 2019.
25. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2009.
26. Маркедонов С. Апология российской идеи, или как нам сохранить Россию // Вестник Московской школы политических исследований «Общая тетрадь». 2006.
27. Вдовин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., Либрис, 1995. 248 с.
28. Цаголов Г.Н. Путь к счастливой жизни. М.: Изд-во «Международный университет», 2015. 759 с.
29. Цаголов Г.Н. Модель для России. М.: Международные отношения, 2010. 454 с.
30. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1969. 480 с.
31. Sorokin P. Russia and the United States. New York: Dutton, 1944. 253 p.
32. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
33. Меньшикова Л.А. Перейдет ли Россия к интегральному обществу? (о новой книге профессора Г.Н. Цаголова «Путь к счастливой жизни») // Вопросы политической экономики. 2015. № 3.
34. Пушкин А.С. Бесы / Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2.
35. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
36. Соколова Р.И. Сможет ли Россия выжить без идеологии // Вопросы государственного строительства. 2014. № 1.
37. Учитывая базовые ценности, отраженные в Преамбуле действующей Конституции Российской Федерации. См.: URL: «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // <http://www.consultant.ru/>
38. Рогольченко М.Г. Синетика. Русская национальная идея. М., 2004.
39. Путин В.В. Выступление на Заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/>